

ИЗ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

M. T. W. ARNHEIM, *The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire*, Oxford, Clarendon Press, 1972, XIV + 246 стр.;

J. H. W. G. LIEBESCHUETZ, *Antioch. City and Imperial Administration in the Later Roman Empire*, Oxford, Clarendon Press, 1972, XIV + 302 стр.

Обе рецензируемые книги, выпущенные в 1972 г., на первый взгляд не имеют между собой ничего общего. Одна из них, принадлежащая Дж. Либешюцу, посвящена довольно традиционной тематике: истории Антиохии IV в. н. э., изучаемой преимущественно по письмам и речам Ливания; на эту тему издано несколько книг (Л. Пети, П. Пети, А. Фестюжера и др.) и ряд специальных статей. Есть об этом и сравнительно новая книга на русском языке: Г. Л. Курбатов, *Ранневизантийский город (Антиохия в IV в.)*, Л., 1962. — которая, однако, ускользнула от внимания Либешюца, хотя несколько статей Курбатова он все же указывает (обычно не используя их) в списке литературы. Напротив, вторая работа написана на тему, которая только еще пробивает себе дорогу, — о социальной структуре Поздней Римской империи и специально о различии социальной структуры на Западе и на Востоке Империи, о различии в организации власти (power-structure). Уже во введении М. Арнхейм констатирует (стр. 2), что это различие не было замечено его предшественниками, — положение, как я постараюсь отметить дальше (см. прим. 3), не совсем точное, но во всяком случае свидетельствующее о недостаточной исследованности проблемы.

Монография Либешюца принадлежит к типу локальных исследований, и если автор иногда оперирует смежным материалом (из Сард — стр. 223, из Египта — стр. 151), то это делается для того, чтобы прояснить отношения в Антиохии, а не для лучшего понимания общеримских судеб. Иначе у Арнхейма: в его поле зрения — все Римское государство, и он ставит своей целью (всего-навсего!) объяснить, почему Западная империя пала в V в., а Восточная выстояла.

И в методе работы Арнхейм и Либешюц как бы противостоят друг другу: основная часть книги Арнхейма зиждется на просопографическом анализе, результаты которого обрабатываются статистически, — наоборот, Либешюц весьма скептически отзывается о «просопографической статистике» (стр. 180 сл.) и предпочитает строить свои выводы на рассмотрении суждений Ливания (и некоторых других авторов) и фактов, сообщаемых Ливанием и им самим интерпретированных. Либешюц понимает, что изложение Ливания риторично, а интерпретация может быть односторонней (см. стр. 34, 184), и все-таки отдает предпочтение прямым высказываниям антиохийского оратора перед просопографическими данными, извлеченными из его же сочинений и освобожденными от ораторской субъективности.

Но несмотря на это различие в тематике и в методе, совместное рассмотрение обеих книг оказывается целесообразным, ибо в конечном счете они направлены на решение одной проблемы: что происходило в Римской империи IV в. и что подготовило переход от античности к средним векам?

«Антиохия» Либешюца — по своей структуре нарративная книга: автор больше рассказывает, чем доказывает. В I главе речь идет о самом Ливании и его сочинениях: мы находим там ряд интересных наблюдений [например, противопоставление писательской манеры Ливания и Синесия (стр. 9,23); применение Ливанием одних и тех же примеров в доказательство противоположных тезисов (стр. 36 и сл.); приемы, которые язычник Ливаний использовал, обращаясь к ревностному христианину Феодосию I с ходатайством («с государственных позиций») о запрещении разрушать языческие храмы (стр. 39)], но в целом там преобладает повествовательный тон. То же можно сказать и о следующих разделах. II глава носит несколько неопределенное название «Образ жизни (livelihood — букв. „средства к существованию“) антиохийского населения» и рассказывает о «вышем классе», «лавочниках», сельских тружениках, а также о торговле и денежном обращении. В III главе характеризуются власти Антиохии: совет и императорские наместники (comes, консуляр и magister militum). IV глава представ-

ляет антиохийскую администрацию в действии: автор рассматривает организацию суда, снабжение города продовольствием, строительство, организацию Олимпийских игр (в Антиохии они держались вплоть до 520 г.), травли животных (литургия сирияря) и других развлечений, вопрос о городских финансах и государственном обложении. Наконец, V глава показывает городские учреждения в развитии. Либешюц отмечает изменение структуры совета, тенденцию курiales отказываться от своих мест, рост «новой аристократии», развитие патронатных отношений, создание так называемой «клаки» — организации, независимой от городских и имперских властей и направлявшей активность масс, корпоративную деятельность торгово-ремесленных коллегий, формирование новых органов власти — монастырей и епископии; эта глава завершается любопытным параграфом, где автор прослеживает, как гуманитарное (риторическое) образование теряет свою ценность в глазах интеллектуалов IV в. и уступает позиции практическому обучению (стенографии, латинскому языку, римскому праву), которое обеспечивало административную карьеру.

Из этого краткого обзора содержания отчетливо проступает повествовательность книги Либешюца: он говорит «обо всем» и, естественно, о многом уже сказанном, уже известном. И тем не менее книге присуща определенная концепция, хотя и не сформулированная с той четкостью, которая отличает работу Архейма, но все же недвусмысленно определенная и, кстати сказать, в сущности своей противоположная концепции книги Курбатова, которую, как я уже сказал, Либешюц не знает.

Итак, в чем же состоит концепция Либешюца? В IV в. Антиохия оставалась процветающим городом (стр. 98 сл. и стр. 256): об этом свидетельствует оживленное строительство, рост населения (Либешюц насчитывает около 200 тыс. жителей — стр. 93 сл.) и косвенным образом возрастание в IV—VI вв. числа датированных надписей в Антиохии и Апамее (в отличие от других сирийских центров). Хозяйство было основано на денежном обращении: Антиохия не пережила инфляции (стр. 86). Тех «тенденций к натурализации хозяйства», о которых говорил Курбатов (стр. 124), Либешюц не замечает. Он, правда, признает, что из сочинений Ливания создается впечатление, будто в 80-е годы IV в. положение крестьян ухудшается (именно такой вывод делает из речей Ливания Курбатов — стр. 41), но Либешюц называет подобное впечатление ложным (misleading), поскольку оно противоречит археологическим данным; настроение Ливания, видевшего все в черном свете, он объясняет общей политической ситуацией в стране после Адрианопольской катастрофы 378 г. (стр. 71—73).

Признавая наличие рабов в Антиохии, Либешюц относит их применение исключительно к сфере обслуживания. «Я не знаю ни одного свидетельства об использовании рабов в сельском хозяйстве в Сирии», — прямо формулирует он (стр. 64). Он как бы сбрасывает со счетов начало речи Ливания «О рабстве» (Речь XXV), где прямо говорится о рабах «на полях». Да и в других речах Ливаний определенным образом связывает обладание поместьями и рабами. Военачальник, женившийся на бабке Ливания, приобрел небольшое поместье, 11 рабов и 12 мулов (Речь XLVII, 28). Конечно, можно было бы предполагать, что эти рабы и мулы не выполняли хозяйственных функций, но в речи в защиту коринфянина Аристофана Ливаний (Речь XIV, 45) свидетельствует, что в имении Аристофана земля осталась необработанной, а рабы — одни бежали, другие обленились, третьи стали грабителями. Речь идет о к о р и н ф с к о м имении, но во всяком случае тут в уме Ливания обработка земли связывается прежде всего с рабами.

Как бы то ни было, та проблема, которая является центральной для Курбатова — «активный процесс разложения рабовладельческих отношений»¹, Либешюцем не затронута ни позитивно, ни негативно. Развитие политической структуры Антиохии IV в. он рассматривает вне всякой связи с вопросом о судьбах античного рабства.

В трактовке антиохийского ремесла и торговли Либешюц и Курбатов опять-таки занимают различные позиции. Согласно Курбатову (стр. 117, ср. стр. 281), «в течение IV в. прослойка ремесленников и торговцев среднего достатка в Антиохии быстро со-

¹ Курбатов, ук. соч., стр. 280.

крапчалась... Мелкое ремесленное производство в восточноримском городе все более интенсивно вытесняло основанное на применении рабского труда среднее и крупное». Либешюц полагает, что антиохийские «лавочники» IV в. (т. е. ремесленники и торговцы) были бедными и занимали низкое положение в обществе (стр. 59), что городская знать стыдилась ремесленных занятий (стр. 60 сл.), что торговцы не были состоятельными людьми и торговля стояла на низком уровне (стр. 82 сл.), что денежные операции (ростовщичество) были неразвитыми (стр. 87). Таким образом, Либешюц идет дальше Курбатова в подчеркивании мелкоотварной природы городской экономики Антиохии IV в. Курбатов во всяком случае допускал наличие богатых мастеров-артизанов (стр. 120), «прослойки богатых купцов», торговавших одеждой (стр. 119), он постулировал высокую активность ростовщического капитала в Антиохии IV в. (стр. 123). Но дело не только в разной оценке концентрации ремесленно-торговой деятельности — Либешюц не ставит вопроса об эволюции городского производства. В его изложении оно не становится мелким, а является мелким. Различие, разумеется, имеющее первостепенную важность, поскольку в концепции Курбатова «мелкое ремесленное производство было той формой, которая составляла реальный базис нарождавшегося феодального города» (стр. 281) и его рост рассматривается как показатель кризиса рабовладельческого хозяйства.

Коренной в этой связи вопрос о роли рабов в ремесленном производстве практически не затронут Либешюцем. Он, впрочем, приводит (в другой связи) интересный пассаж из Ливания (Речь XLII. 21). Оправдывая Фаласия, которому ставили в упрек производство мечей, Ливаний заявил, что сам Фаласий не только не работал, но и не обладал ремесленным навыком, однако у него, как в свое время у Демосфена, были опытные в этом ремесле рабы. Курбатов (стр. 109) считает это место «единственным упоминанием о рабах-ремесленниках в мастерской, работавшей на продажу», — впрочем, он сам признает, что рабский труд эксплуатировался и в пекарнях (стр. 113), что в богатых домах существовали ткацкие мастерские, где работали рабы (стр. 100), но ограничивалось ли их использование удовлетворением домашних нужд или часть их продукции уходила на рынок (как из мастерской Фаласия), — об этом можно только гадать. Но если в Антиохии IV в. существовали оружейные мастерские и пекарни, основанные на рабском труде, то, видимо, городское производство не было здесь исключительно мелким, как это постулирует Либешюц (хотя, по всей вероятности, мелкое ремесло и торговля преобладали).

В Антиохии свободное население, надо думать, не исчерпывалось «высшим классом» и «лавочниками», как это рисует Либешюц. В большом городе неминуемо должно было быть много людей, не имеющих специальных занятий, поденщиков, готовых наняться на любую работу. Иоанн Златоуст сочувствует беднякам, которым удавалось найти кое-какой заработок летом, но зимой они испытывали ужасную нужду². Ливаний в «Похвале Антиохии» (Речь XI. 174—175) заявлял, что другие города изгоняли лишних жителей ради спасения остальных; его же отечество, обладая обильными землями, не нуждалось в подобной мере: следовательно, «избыточное население», стоявшее вне городских организаций (ремесленных корпораций), было известно и Антиохии.

Если экономическое положение Антиохии в IV в. представляется Либешюцу в общем неизменным, то политическая структура города, по его мнению, переживала существенные перемены. Суть этих перемен заключается в том, что городской совет перестает быть органом, осуществляющим власть в Антиохии (стр. 103), курiales уступают позиции «новой аристократии» (стр. 187), распределяя земли и отказываясь от места в совете (стр. 183), а свойственные этому слою ценности (языческая религия и классическая образованность) вытесняются новыми (стр. 15 сл., 231 сл., 242 сл.). В кон-

² См. об этом М. Я. Сюзюмов, Трудовые конфликты в Византии, «Византийские очерки» (2), М., 1971, стр. 44. Об отношении Златоуста к бедноте см. Г. Л. Курбатов, Классовая сущность учения Иоанна Златоуста, «Ежегодник Музея истории религии и атеизма», 2, 1958, стр. 96 сл.

статации этих положений Либешюц, по сути дела, не расходится с Курбатовым, однако если мы зададимся вопросом, в каком направлении развивается политическая структура Антиохии, различие между обоими исследователями станет очевидным. Действительно, Курбатов исходит из идеи кризиса рабовладельческих отношений в Антиохии IV в. (идея, которая, как мы видели, чужда Либешюцу), на смену которым приходят отношения предфеодалные. Он прослеживает эту тенденцию как в сфере экономической (натурализация хозяйства, рост мелкого производства в деревне и в городе), так и в социальных и политических отношениях. Унадок курии ведет, по его концепции, к укреплению позиций «небольшой богатой куриальной верхушки» (стр. 269); к постепенному переходу власти в руки «наиболее влиятельных местных собственников, обладавших реальной силой» (стр. 273). Одновременно развиваются «новые элементы муниципального самоуправления, отражающие его эволюцию в феодальном направлении» (стр. 282).

Напротив, в центре эволюции, как ее рисует Либешюц, стоит императорская власть и имперская бюрократия. Город развивается не в направлении к феодальной системе (к сожалению, я должен повторить это еще раз, Либешюц не знает концепции Курбатова и не сопоставляет свои взгляды с мыслями советского ученого), а от муниципальной независимости к подчинению централизованному государству. Подчеркивая, что власть наместника в Антиохии была практически неограниченной (стр. 113), Либешюц прослеживает, как городской совет отстраняется от отправления судопроизводства (стр. 122), как снабжение продовольствием становится функцией наместника (стр. 131), как к наместнику переходит руководство строительной деятельностью (стр. 135). Хотя Либешюц довольно скептически относится к традиционному представлению о конфискации городской собственности в IV в. (стр. 151—154), он тем не менее считает, что государство осуществляло управление антиохийскими финансами, включая расходы на Олимпийские игры и состязания (стр. 155). Городской совет превращается в «исполнительный комитет», выполняющий волю государства (стр. 194). В формировании торгово-ремесленных корпораций потребности государства в принудительных повинностях сыграли определяющую роль (стр. 221).

Итак, из конфронтации взглядов Либешюца и Курбатова вырисовывается проблема принципиальной важности: что, собственно говоря, происходило в Антиохии IV в. и, шире, в восточноримском городе? Феодализация его институтов с переходом власти к феодализирующимся местным магнатам (*principales, locupletiores*) или же подчинение города константинопольской администрации? Решение этой проблемы переплетается с проблемой социальных сдвигов в антиохийском обществе. Необходимо выяснить, что являла собой та «новая аристократия», о которой говорит Либешюц.

В концепции Курбатова центральное место занимает тезис о вытеснении на протяжении IV в. средних и мелких муниципальных собственников крупными землевладельцами (стр. 62 и сл., 82). При этом изменяется и тип хозяйства: крупная собственность сочетается с хозяйственным раздроблением, с экономической независимостью колонов (стр. 63—65). Рост крупного землевладения ведет к «сокращению прослойки мелких собственников» (стр. 55). Суть патроната состоит в «постепенном отчуждении свободной деревни из сферы государственной власти» (стр. 54). Короче говоря, новая аристократия у Курбатова — класс феодалов или его непосредственный предшественник.

Наоборот, по дефиниции Либешюца, новая аристократия — это класс, «престиж которого зависел от богатства и ранга, приобретенных на императорской службе» (стр. 186 и сл.). Она осуществляла свою власть отнюдь не по феодальному принципу (частное право), а через возможность влиять на государственных чиновников (стр. 188—191). Соответственно патронат трактуется не как ущемление государственных прав, а как стремление найти покровительство привилегированных лиц (стр. 205); при этом Либешюц обращает внимание на то, что под патронат вступали не только свободные, но и зависимые деревни (стр. 202) и что он таким образом означал не создание, а перемену зависимости — деревня от куриала переходила под власть влиятельного чиновника.

Таким образом, проблема судеб восточноримского города IV в. в очень большой степени оказывается проблемой структуры его «нового» господствующего класса — был ли он прямым предшественником феодальной знати средневековья (Курбатов) или «открытым» классом, куда относительно свободно вливались представители разных общественных кругов, как это полагает Либешюц (стр. 187, ср. стр. 115), «классом» императорских чиновников.

Некоторый свет на эту проблему проливает книга Арнхейма. Она состоит из двух частей: первая построена по хронологическому принципу, вторая, если так можно выразиться, — по предметному. Первая характеризует изменение места аристократии в управлении Римской империей от Диоклетяна до Феодосия I, вторая — некоторые черты римской аристократии IV в. (линьяжи, земельную собственность, значение титулатуры).

По мнению Арнхейма, три столетия истории Принципата означали постепенное наступление императорской власти на сенат и сенаторов, и эта тенденция достигла кульминации при Диоклетяне (стр. 39, ср. стр. 32). Управление провинциями по всей Империи (за исключением Сирии) практически было изъято из рук сенаторского сословия (стр. 40, ср. стр. 42). Из 37 западных *praesides* времен тетрархии о 27 известно, что они не были сенаторами, а статус остальных 10 неизвестен (стр. 43). Из пяти префектов претория трое явно не принадлежали к сенаторам, о происхождении двоих других источники молчат (стр. 46). Сенаторская аристократия удерживала, помимо Сирии, лишь проконсульскую власть в Африке и Азии, корректорство в Италии и Ахее и должность префекта города (стр. 43).

Положение меняется коренным образом при Константине. 40% западных *praesides* этого времени, происхождение которых известно, были сенаторами. Причем, согласно Арнхейму, они возглавляли главным образом те провинции, где избытовали крупные поместья (стр. 52). Число знатных корректоров трое превосходило число незнатных (стр. 54). При Константе (правившем на Западе) пять из семи префектов претория были знатного происхождения (стр. 76) — напротив, у Констанция, августа восточной половины Империи, известен только один знатный префект, тогда как пять или шесть вышли из несенаторских кругов (стр. 81). Арнхейм противопоставляет двух префектов-современников: Вулкаций Руфин на Западе мог проследить своих предков со времен Республики, Флавий Филипп на Востоке был сыном колбасника (стр. 81). При этом Арнхейм подчеркивает, что различие в составе высших администраторов на Востоке и на Западе не может объясняться личными пристрастиями государя, ибо Констанций, став правителем объединенной империи, продолжал направлять на Запад преимущественно знатных префектов (один из них происходил не из сенаторов, тогда как семь принадлежали к аристократии) (стр. 82). Валентиниан I по своим склонностям был враждебен аристократии, и в нем можно было бы обрести нового Диоклетяна (стр. 95). И в самом деле, его назначения отличаются от акций его предшественников, но все же и при нем западная сенаторская знать сохраняет важные посты, включая префектуру Италии, Африки и Иллирика (стр. 96—98). Наконец, Феодосий I начал на пост префекта претория выходцев из знатных западных фамилий (стр. 101). Самый сенат на Востоке состоял в очень большой степени из людей незнатных, обзаванных своей карьерой самим себе, а не родственными связям (стр. 168).

Подводя итоги своему просопографическому исследованию, Арнхейм пишет: «В то время как на Западе знатных регулярно назначали на высокие посты, Восток по-прежнему управлялся незнатными». Он объясняет это тем, что Восток был более урбанизован и подвергся большей христианизации (стр. 170).

Во второй части книги Арнхейм показывает прежде всего, что знатное происхождение считалось в Империи ценностью (стр. 104—107). Он составляет список аристократических семей и прослеживает их родственные связи. Он останавливается на таких фамилиях, как Ацилии, Анниции, Бетиции, Нерации, Фабии, Мэции, Цейоници, Бриттии. В приложении к книге приведены стеммы Цейониев, Аннициев, Мэциев и Фабиев и родственных им родов. Переходя к вопросу о земельной собственности знати, Арнхейм формулирует очень важный вывод: «На Западе латифундия была уже зрелой, тогда

как на Востоке существовало, по-видимому, сравнительно мало крупных поместий». С этим он связывает относительную слабость военного патроната на Западе (стр. 150), видя в патронате лишь начальную форму становления поместных отношений.

Наконец, Арнхейм подчеркивает связь наместничества на Западе с крупной земельной собственностью (стр. 157) и анализирует средства, с помощью которых наместник-землевладелец мог воздействовать на население (стр. 161 сл.), отмечая возможности использования знатью ее родственных связей (стр. 164 сл.).

Если мы вернемся снова к отмеченному уже противоречию между концепциями Курбатова и Либешюца, то можем констатировать, что книга Арнхейма как бы дает еще один критерий для решения проблемы о характере «новой аристократии» в Поздней Римской империи. В самом деле, тенденции развития позднеримской знати обнаруживаются гораздо отчетливее, если мы сопоставим природу аристократии на Западе и на Востоке. Выводы Арнхейма звучат как будто бы недвусмысленно: на Западе уже в IV в. сложилась родовитая аристократия феодального типа, аристократия землевладельцев, связанных между собой тесными родственными связями и осуществлявших в силу своего ранга, богатства и взаимоподдержки насилие над рядовыми труженниками. На Востоке подобной аристократии Арнхейм не обнаруживает: здесь не было для нее соответствующей экономической базы (крупной земельной собственности) и государственное руководство — от Константина до Феодосия I — оставалось в руках лиц несенаторского, незнатного происхождения, выдвигавшихся на высокие посты из неаристократической среды.

Вопрос о различии западно- и восточноримской аристократии встает не впервые. Уже Ч. Костер показал, что правовой статус западной аристократии был более привилегированным, нежели у восточноримской знати³. Арнхейм идет дальше, перенося проблему из правовой сферы в социально-экономическую. Наблюдения его интересны, однако возникает вопрос: всегда ли они достаточно корректны?

Если приведенные выше замечания Арнхейма о различии в составе высших чиновников на Востоке и Западе при Константине и его сыновьях опираются на довольно значительный статистический материал и кажутся убедительными, то последующие царствования не дают сколько-нибудь однозначной картины. Так, при Феодосии I на Западе известен лишь один наместник (викарий) — аристократ, а на Востоке из двух викариев один был знатым, другой — нет (стр. 218). Цифра, разумеется, перепротивоположенная. Если при Грациане на Западе шести викариям-аристократам не противопоставит ни один викарий незнатного происхождения (стр. 218), то среди префектов претория картина обратная: пять незнатных лиц и ни одного определенного аристократа (стр. 219). Если мы суммируем число префектов претория от Юлиана до Феодосия I, то окажется, что на Западе среди них было шесть знатных и девять незнатных, а на Востоке два знатных и два незнатных. Правда, среди викариев различие оказывается более заметным: 12 знатым викариям на Западе соответствуют три незнатных, двум знатым викариям на Востоке — четыре незнатных.

Короче говоря, по-видимому, некоторое различие в составе правящей верхушки Римской империи IV в. все-таки было, но (во всяком случае во второй половине столетия) оно было не столь значительным, как это кажется Арнхейму.

Все названные им линияжи знати принадлежали к западной аристократии. Значит ли это, что Восток в IV в. вообще не знал аристократических родов? Если мы опять обратимся к Антиохии, то можем отметить там несколько знатных семей, как, напри-

³ С. Н. Coster, *The Iudicium Quinquevirale in Constantinople*. «Byzantinische Zeitschrift», 38, 1938, стр. 119—132. Эта статья включена в сборник Ч. Костера «Late Roman Studies» (Cambr. Mass., 1968, стр. 1—21) с дополнением «The Iudicium Quinquevirale Reconsidered» (там же, стр. 22—45). По мнению Костера, только в западной половине Империи функционировал особый суд по делам сенаторов, состоящий из пяяти членов сенаторского сословия. Сборник Костера учтен Арнхеймом в библиографии, но не использован в тексте. В самое недавнее время различие социальной структуры римского и константинопольского сената в IV в. было подчеркнуто в кн.: G. Dagron, *Naissance d'une capitale*, P., 1974.

мер, Фаласии (см. о них — Либешюц, стр. 42 сл.) или Аргирии⁴. Тут, однако, встают два вопроса. Во-первых, насколько распространены были в IV в. на Востоке подобные аристократические фамилии? Обратимся к недавно вышедшей «Просопографии Поздней Римской империи»⁵. В конце книги приведены стеммы следующих западных знатных родов IV в.: Анициев, Вассов, Сабинов, Цезониев, Цейониев, Юлианов, Руфиев, Флавианов, Нониев Максимов, Нониев Викторов, Нуммиев, Петропиев, Симмахов, Турциев, Валериев, а также родни Авсония, Вулкация Руфина, Флавия Тавра, Мелании и св. Павлы. Итого 19 семей. Им соответствуют на Востоке: Авлавици, Фаласии, семьи антиохийца Кельса, тарсийца Деметрия, Григория Назианзского, Флавия Филиппа, т. е. всего шесть родов. При этом Авлавици и Филиппы были семьями незнатного происхождения, выдвинувшимися только в IV в., а остальные принадлежали к городской знати, а не сенаторской аристократии.

Во-вторых, были ли западная и восточная аристократия адекватными по своей социальной и хозяйственной структуре? Арихейм, занимающийся преимущественно западной знатью, не дает обоснованного ответа на этот вопрос, хотя и высказывает предположение о большем развитии латифундий на Западе. Либешюц также говорит о том, что «новая служилая аристократия» на Востоке начала аккумулировать богатства, но она отставала от сенаторских домов на Западе (стр. 48). По-видимому, в IV в. восточная аристократия действительно не достигла уровня западных землевладельцев, но чрезвычайно существенным было бы изучить дальнейшую тенденцию развития восточной знати: известно, что в VI в. существовали богатейшие земельные собственники в Египте — Апионы, но были ли они исключением? Земельными владениями обладали в VI в. и константинопольские сенаторы⁶, но пока мы еще не можем судить о масштабах. В какой мере на Востоке происходило сращение власти, знатности и землевладения? Тезис Арихейма об отставании Востока от Запада в этом пункте как будто подкрепляется наблюдениями Либешюца: даже богатейшие антиохийские собственники Фаласии не выступают на высших административных постах (стр. 42). Наконец, в какой мере восточная знать была связана с торговой, ремесленной и ростовщической деятельностью и возможно ли в этом пункте проследить ее отличие от западной? Различие между западной и восточной знатью можно наметить, но вряд ли оно было столь существенным, чтобы выводить из него (как это делает Арихейм) причину политического падения Западной империи.

Работы Арихейма и Либешюца затрагивают ряд важных проблем социально-экономической истории Римской империи IV в. Если они и не разрешают их, то все же позволяют уточнить постановку вопроса и увидеть новые аспекты. И в этом их значение.

А. П. Каждан

⁴ A. F. N o r m a n, The Family of Argyrius, JHS, 74, 1954, стр. 44—48.

⁵ «The Prosopography of the Later Roman Empire», vol. I, Cambr., 1971.

⁶ А. А. Чекалова. Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в., ВВ, 33, 1972, стр. 26 сл.